

ПО НОВОМУ ПУТИ.

Я подыскал на рынке гор. Камышлова мужичка—ямщика из дер Г. здешнего Камышловского района, и с ним выехал в Г-скую школу для обследования. По пути я расспрашивал ямщика, как живут и что делают учитель их деревни К. П. и учительница Н. П. Он мне простодушно обрисовал картину жизни деревенского просвещенца. „Жил раньше он у нас, учитель то, учил ребят добру: богу молиться, в церковь ходить, батюшку любить, и мы были довольны им. А нынче паря совсем испортился, связался с молодыми ребятами, шатается по ихним собраниям, да их настраивает смеяться над отцом Н. (т. е. местным попом В. Б.) и над матушкой церковью. Это с комсомольцами то. Нам это не нравится. Мы уж один раз с кумом К. говорили ему: што мол ты рехнулся што-ли? Так нет, говорит: я только что в разум начинаю приходить, да и вас пытаюсь вывести на светлую дорогу. Ну вот с ним и по суди. Нас собралось много мужиков. Одни говорят: „чего его слушать“, а другие говорят: „нет, славно бает“. Ну он нам и давай рассказывать всякие штуки советские то, так меня аж слезы прошибли. С тех пор мы его начинаем опять попрежнему уважать“.

Под'езжаем к воротам посотины дер. Ямщик умолк, и я замолчал со своими расспросами.

Подхожу к школе. Убогое здание прежнего типа. Ветхая крыша, маленькие окна. Служб при школе совершенно нет, маленький огород рядом со школой. Клопочет в огороде с десяток кур,—и все.

Захожу в школу. Темно в сенках. Ощупью приходится пробираться в комнаты; чиркаю спички и прохожу дальше. В комнату, где 10 куб. сажень воздуха, стоит 15 парт, очевидно, здесь сидело 30 человек. Классная доска прижата к самой стене в углу. Другая комната, примерно, такая же. Значит, в таких условиях приходится жить и работать просвещенцу деревни. Заглянул в квартиру учителя. Одна комната бедно обставленная, спертый воздух. В комнате трое детей с бабушкой—няней, спрашиваю: „где учителя?“. Бабушка машет рукой и говорит: „куда то оба на собрание ушли, вечно бегают

по собраниям; что им и надо?! „На этом разговор с бабушкой и закончился. Очевидно, она привыкла говорить лишь так, как сказала мне.

Иду в избу-читальню. Нашел там обоих учителей, проводящих, собрание молодежи. Говорят неправильным, заплетающимся языком об интервенции—заплетающимся потому, что к выступлениям не привыкли. Увидев меня, немножко смутились, и видно, возникло у них сомнение—мол, правильно-ли мы говорим. Стало весьма обидно за просвещенцев деревни, и сто проклятий послал я царскому правительству, которое его воспитало. Вступаю в права помощника и дополняю доклад учителей.

Каковы же выводы? Выводы таковы: просвещенец, в силу исторической необходимости, в своем движении пережил очень и очень многое. Были в его движении и нежелательные стороны. Это сам он не скрывает, но что является радостным в период его перелома, так это то, что он твердо убедился в правоте Соввласти, перешел на ее сторону, и уже теперь никакая реакционная сила его с новой дороги не смогла бы сдвинуть. Если он порой озирается кругом, если он не всегда уверен в себе, то это не значит, что он сомневается в правильности нового пути, которым он пошел, зрело обдумав этой путь. Нет, тут сказываются еще результаты прежней забитости и недостаточность практического опыта новой работы. Чем больше будет этот опыт, тем тверже и увереннее будет каждый отдельный шаг просвещенца. Старый режим воспитывал из учителя помощника попа. Сейчас просвещенец, как мы видим из маленькой картинки его жизни, становится смертельным врагом попа, и он присоединяется к передовым силам советской деревни. К голосу просвещенца, который хочет стать деревенским агитпропработником, начинают прислушиваться лучшие элементы современной деревни. Все это позволяет надеяться, что деревенский просвещенец в значительном своем большинстве задачи, указанные ему XIII съездом РКП, выполнит.

В. Бучельников.